

Город

#сборник_horror

#том1

18+

#сборник_horror

Сборник
Город

Издательство «Союз писателей»

2017

УДК 82-822
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Сборник

Город / Сборник — Издательство «Союз писателей»,
2017 — (#сборник_horror)

ISBN 978-5-00073-620-3

Первая книга серии ужасы в проекте модное издательство #Книга. Опираясь на целый ряд трактовок, которыми наделяют понятие мистики современные толковые словари, можно без особого труда выстроить ее комплексное определение, из которого будет видно, что мистика (от греческого слова “mystikos” — таинственный) — это некая совершенно загадочная и необъяснимая область человеческой жизни, базирующаяся на вере в существование сверхъестественных, фантастических (в том числе — и инфернальных) сил. В сборнике представлены рассказы, заставляющие читателя вздрагивать от скрипа двери, шагов кошки и открывшегося внезапно окна... Рассказы в стиле классиков жанра ужасы (Стивена Кинга, Тима Бертона и Говарда Лавкарфтка) с новыми неожиданными сюжетами и классическими, полюбившимися приемами, заставляющими читать книгу все быстрее и быстрее и держащие нервы в постоянном напряжении, ждут Вас на страницах этого сборника.

УДК 82-822
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-620-3

© Сборник, 2017
© Издательство «Союз
писателей», 2017

Содержание

Николай Переяслов	6
Александр Агарков	16
Глава 1. Гости	16
Глава 2. Это только начало	18
Глава 3. Разгадка рядом	22
Глава 4. Туннели, ведущие в неизвестность	25
Глеб Боярчук	28
Александр Буйницкий	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Город

Сборник рассказов

Николай Переяслов

С пулями против нечисти

...Сказать, что мистические искания являются ярко выраженным признаком и всей нашей сегодняшней прозы, значит, весьма сильно преувеличить ту реальную ситуацию, которая сложилась на текущий момент в отечественной литературе, однако же и не заметить определенного уклона в сторону мистики сегодня тоже невозможно – слишком уж громко прозвучали такие книги как «Укус ангела» Павла Крусанова, «Государственный палач» Сергея Сибирцева», «Родичи» Дмитрия Липскерова, «Блуждающее время» Юрия Мамлеева и некоторые другие. Несколько в стороне от них, но тоже в зоне действия инфернально-мистических категорий стоят романы Эдуарда Скобелева «Прыжок дьявола» и Александра Владимировича «Проклятое зачатие», посвященные взаимодействию человека не столько с самими представителями бесовских сил, сколько с такими их земными «филиалами» как тайные масонские организации. Но если про первую группу авторов (Крусанов, Сибирцев и т. д.) можно сказать, что они своими произведениями только констатируют наличие рядом с нами неких неисследованных параллельных миров, населенных всякими монстрами, оборотнями и душами не нашедших посмертного успокоения покойников, показывая, как эти параллельные реальности иногда вторгаются в нашу повседневную жизнь, врываются в нее, точно клацающие зубами таинственные «псы Гекаты», но что они при этом даже не пытаются ответить на вопрос о том, какова природа этих параллельных миров и ради какой цели они держат всю ту ужасающую армию нечисти, которая в течение вот уже нескольких тысячелетий отравляет бытие добропорядочных граждан России и прочего мира, то про вторую группу пишущих (Скобелев, Владимиров и др.) можно сказать, что они чересчур углубились в историю вопроса взаимоотношений врага рода человеческого с русским народом, из-за чего их романы приобрели характер почти откровенных политических памфлетов.

И вот – некий откровенно новый поворот в освоении мистической темы в современной русской литературе, ознаменовавшийся появлением сразу двух весьма оригинально написанных романов, с одной стороны, объясняющих задачи, цели и, так сказать, методологию проникновения бесовских сущностей в границы христианского мира, а с другой – дающих примеры сопротивления попыткам порабощения России этими сущностями и рисующих картины борьбы с ними. Я имею в виду изданный в 2003 году издательством «Ад Маргинем» роман Михаила Елизарова «Pasternak» и вышедший годом ранее в издательстве «ЛИМБУС ПРЕСС» роман Белоброва-Попова «Красный Бубен» – оба окрашенные в стивенкингговскую ужастиковость с ее щедрой кровавостью, обильной стрельбой, вонзающимися в черепа топорами и забиванием осиновых кольев в груди спящих вампиров, но вместе с тем и уже с чисто нашенской – российской – попыткой ДУХОВНОГО противоборства с демонами и поиском опоры на испытанную двумя тысячелетиями, хотя и довольно сильно искаженную ныне всякими новомодными умничаниями (а то и, наоборот, заигрываниями с язычеством) православную веру предков. И вот тут-то и выясняется, что одной из самых широких лазеек для проникновения к нам из своего инфернального логова всякого рода нечисти являются столь любимые в нашей стране книги! Причем как раз не материалистически грубые бытописательские вещи, кажущиеся внешне далекими от всякой духовности, и даже не физиологически похабные изображения плотских утех, а именно

интеллектуально-изошренные, прикрывающиеся богоискательскими одежками сочинения с религиозно-мировоззренческим флером. «Вред от грубого «Луки Мудищева» невелик, – говорит в своем «Pasternak’е» Михаил Елизаров. – Откуда там завестись дьяволу? Спрятаться негде. А заумный пафос какой-нибудь «Розы Мира» в сотни раз опаснее своей лживой спиритической мимикрией под духовность... С петровских времен, когда было унижено православное священство, люди предпочли проповеди светскую книжную литургию. Вслед за христианским Западом и Россия потеряла чувство духовного самосохранения, забыв, что религия не исторический пережиток, а оружие против невидимого и безжалостного врага. Каждое поколение вносило свою лепту в разрушение мистических церковных бастионов, ослабление Христова воинства... Попытка человека создать религию из себя – величайшая ложь и соблазн. Поклонение тому, что не Бог, и есть язычество. Художественная литература стала новой религией, и поэт, ее пророк, прославил не Бога, а божка. Так появились во множестве книги, как глисты, сосущие христианство. Люди предпочли подлинному Евангелию писательскую романную историю или стихотворную весть... Автор создает текстовую оболочку, признанную обществом образцом духовности, и эта оболочка начинает служить для выражения совсем иного содержания. Дьявол набрасывает на себя эту книжную шкуру, проникает в порожные слова о Боге. За короткий срок в оболочке поселяется одетый в духовный костюм Бога совсем другой владыка, у которого свое Евангелие. Так уже умерший автор может сделаться разносчиком демонической заразы. С людьми же, попавшими под влияние подобных оболочек, происходит своего рода духовное облучение. Они дышат гнилью, пьют ее и едят, не замечая, как невидимая болезнь неумолимо образует метастазы на внутренностях души. И чем дольше это продолжается, тем больше продуктов духовного распада оседает во внутренностях души...»

Именно такой «оболочкой», по мнению одного из двух основных персонажей романа священника автокефальный православный Сергея Цыбашева и стал столь популярной в среде российской читающей интеллигенции поэт Борис Пастернак, а точнее сказать – некий словесный культовый символ по имени «Пастернак», превратившийся в «оболочку языковой вседозволенности, лаковой бессмыслицы и рифмованных пересказов Евангелия». Этот оторвавшийся от своего похороненного на переделкинском кладбище хозяина литературно-философский код сделался со временем «общим знаменателем с длинной поперечной чертой, поверх которой должно было хватить места всему, на духовность претендующему. Демонический знаменатель литературного сектантства держал на своих плечах все родственные числители, уже не имеющие к литературе никакого отношения. Разумеется, стихи и тихий, как омут, роман о Докторе были нужны далеко не каждому. Но во все времена именно почитатели оболочек приставлялись кроить культуру страны. И работали они, даже того не желая, по эскизам, создающим наготу, на которой легко поселялись паразиты с ярлыком «Духовность», разрушающие единственно истинную духовность для России – православие. На одурманенную оболочками душу легко ступал враг: буддийский лисоглазый Тибет, Космический Разум – Люцифер или ньюэйджевский Заратустра – сверхчеловек в латексовом черном костюме нетопыря».

Доискиваясь до причин и способов проникновения бесовщины в Россию, облаченный в священнические одежды Цыбашев приходит к выводу, что именно через оболочку с именем Pasternak вселенский демон зла пытается воссоединить в одну критическую массу две свои разрозненные части – ту, что существовала распыленной по книгам и душам, и ту, что обреталась в бездне. «Имя мертвого поэта, – делает он вывод, – как троянский конь, укрывало зло. Через оболочку Pasternak демоническая туша в достаточной мере овладела миром человеков, чтобы перетянуть свой остаток из бездны в материальность.»

Вычислив таким образом главного врага истинной православной духовности в России, Цыбашев в паре со своим подручным Нечаевым пускается на смертельную борьбу

с этими оболочками, убивая руководителей всевозможных религиозных сект, самозванных братств, экстрасенсовских школ и прочей сатанинской мерзости. Тем же занимаются два других героя романа – Льнов и его подручный пиротехник Любченев, в массовом порядке истребляющие «нелюдей», прикрывающихся вывесками различных самозванных церквей и псевдодуховных центров.

Мотивируя право своего героя на столь крайние действия, Михаил Елизаров пишет: «Убийство врага на войне не было жестокостью, православному священнику или монаху Церковь не воспрещала быть ратником. Цыбашев тоже участвовал в войне, в которой не ждал для себя пощады. Сломленное православие все больше утрачивало возможность защищать себя и свое государство. Враг безнаказанно позволял все мыслимые кощунства на захваченной территории. Надежды на духовную преемственность не оставалось. России уже некуда было нести свою веру. Ее умирание перестало быть чем-то абстрактным. Агония растягивалась на десятилетия, но конец был очевиден и прогнозируем. Цыбашев не мнил себя каким-то избранным защитником Церкви и страны. Он просто не желал смиряться с выкриками нелюдей о «гниющем трупе православия». Цыбашев не считал себя воцерковленным в трупе. Речь не шла о жестокости. Просто имелся предел милосердия и всепрощения...»

Однако, несмотря на столь недвусмысленно изображенные действия главных героев «Pasternak'a», роман Михаила Елизарова – это отнюдь не инструкция для православных, предписывающая, как им нужно отстаивать свою духовность, более того – как всякое произведение, написанное под воздействием силового поля постмодернизма, роман Елизарова не лишен признаков так называемого «стёба», он грешит откровенно нарочитой демонстрацией использования матерщины и, в общем-то, отчасти «опускает» все, о чем бы ни заходил разговор на его страницах. Как заметила в своей статье на аналогичную тему «Призраки, вампиры, оборотни» Фотина Морозова («Литературная газета» № 41 за 8—14 октября 2003 года), автор как бы говорит нам: «Не принимайте меня чересчур всерьез! Ведь то, о чем я веду речь, само по себе слишком серьезно...»

О том, что дело происходит действительно не у Проньки за столом и за каждый случайный пук надо расплачиваться не хиханьками, а своей собственной жизнью, свидетельствует сцена окружения главных героев романа воинством Pasternak'a, пугающим не столько описанием своего внешнего вида, сколько совпадением его примет с реалиями того мира, что окружает сегодня и нас с вами:

«...По склону спускалась очередная колонна – десять рядов по пять человек. Всех отличала одинаковая бесноватость лиц.

– Пятидесятники, – сказал Цыбашев. – Видишь, рядом с адвентистами заняли место.

Адвентисты стояли небольшими группами по семь человек.

– А вон те, которые закрытыми ртами воют?

– Лжехристовы трезвенники. Чуриковцы и колосковцы.

Они сейчас жуткую муку адова похмелья испытывают. Они умереть пришли.

– А это физкультурники? Со свастиками на шеях...

– Иеговисты. У них не свастики, а распятия такой формы...

На дальнем фланге он увидел многочисленную группу в черных сутанах, возглавляемую жуткого вида слепцом, в котором Льнов узнал подстреленного им у рериховского фонда сатаниста. Отсутствие глаз не мешало ему командовать своим отрядом и найти место на склоне.

Котловина собрала не меньше нескольких тысяч. А сколько их еще стояло там, на вершине? Они принадлежали к разным сектам, подчас враждебным друг другу. Pasternak объединил всех. Отряды не смешивались и действовали слаженно, руководимые волей крылатого демона. Может, они не видели даже своих товарищей, управляемые каждый своей индивидуальной нитью, тянущейся от сердца к Pastoru.»

А вот и он сам – демонический Pastor Nak, восседающий далеко на заводской трубе так, что Льнову сперва показалось, будто он сидит на перекладине электрического столба недалеко от укрывающего их от осады здания. Поняв его истинное местонахождение, он содрогнулся, подумав о гигантских размерах демона:

«...На перекладине неподвижно сидит огромное существо. Оно распахивает рваной формы крылья. Перепончатая их изнанка лунно-белесого цвета и покрыта надписями. Конской формы гигантский череп еще носит искаженные человеческие черты мертвого поэта. Глаза его горят бледным гнилостным свечением. Черная слизь струится с крыльев, но не капает на землю, оставаясь внутри сущности, словно это не демоническая плоть сочится, а ветер колеблет мазутный шелк мантии на птичьих плечах трупа. Льнов пытается прочесть надписи на крыльях, но слышит голос священника: «Не читай дактиль на этих птерах!» У Льнова кружится голова, меркнут глаза, и он чувствует, словно незримая сила пытается одолеть его волю. Серые тени показываются на вершине котловины. Демон в трупe поэта расселся на столбе-распятии. Трепещущие крылья, как полковые штандарты, собирают под собой новые отряды...»

Итог сражения оказывается предсказуем и трагичен: Льнов, Цыбашев и их боевые товарищи отступают все дальше и дальше в подвалы здания и, в конце концов, погибают. Однако, трагедия романа состоит вовсе не в том, силы четверки сопротивляющихся несопоставимы по своей численности с осаждающими их полками нечисти или что у них заканчиваются боеприпасы. Главная причина поражения героев романа заключается в том, что борьба с inferнальными сущностями ведется ими исключительно при помощи тех же самых средств, что и в романах Стивена Кинга – то есть использованием топоров, пуль и взрывчатки, тогда как, казалось бы, уже на примере его романов должно всем быть ясно, что обычное материальное оружие способно поражать только те существа, которые являются порождением нашего собственного материального мира, а против сущностей, порожденных миром не материальным, а inferнальным, должно быть и оружие не материальное. Против бесов сколько топорами ни размахивай, толку никакого:

«...Напрасно Льнов и Нечаев сносили головы стоящих по ту сторону верстака. Через минуту они сражались уже с фонтанирующими кровью мертвецами, которых двигала сила напирания сзади товарищей. К поредевшим рериховцам присоединились трупно-синие кришнаиты с голыми, как бубны, черепами. Появились неизвестные Льнову нелюди в полувоенной форме с крошечными крестиками на погонах. Поддавшись магическому обману этого деревянного непротивления врагов, Льнов позволил себе подпустить одного из них слишком близко. Глаза лысой твари вспыхнули болотистым огнем, распахнулся рот, поросший узкими, как нити слюны, клыками. Льнов ударил снизу секирой: стальной полумесяц вспорол жилистое горло кришнаитской нечисти...»

Но от итогового поражения это ни Льнова, ни его друзей все равно не спасает, и воинство Pasternak'a одерживает свою очередную победу. Причем суть победы оказывается гораздо шире, чем просто уничтожение четверых борцов с ужасным стихокрылым демоном и его апологетами – «пастерначество», если так можно выразиться, захватывает уже не только литературные, но и многие жизненные высоты, превращая поражаемых своими бактериями людей в роботоподобных бесчувственных зомби.

Эпилог романа – это свидетельство поражения уже не только четверых его героев и их захваченного нелюдями мира, но, к сожалению, также и самого автора, не сумевшего найти для своих персонажей нужной подсказки о том, как им противостоять выведенному им под маской Pasternak'a inferнальному злу.

Несколько на другом уровне – уже гораздо более глубоком, чем один только физический – решается проблема сопротивления нечисти в романе Белоброва-Попова «Красный

Бубен», хотя и это произведение тоже написано со всякого рода постмодернистскими штучками и буквально захлебывается в стремлении обхохмить всё, к чему только ни прикасается перо его по-сиамски сдвоенных авторов (ибо указанный на титуле Белобров-Попов – это, как следует из копирайта книги, не один писатель, а два: В. Белобров и О. Попов). В шутку или нет, с положительной или отрицательной оценкой, а то и под весьма-таки ироничным углом, но в «Красном Бубне» оказались озвученными практически ВСЕ, бытующие сегодня в российском обществе идеи, включая такие взаимоисключающие из них, как антисемитизм, троцкизм, православное возрождение, сатанинские культы и многие другие. Да и возможно ли понять причины столь стремительного продвижения нечисти по России, если не вникнуть как следует в подоплеку того, что произошло в нашей стране с воцарением так называемых свободы и демократии? Один из персонажей романа – Георгий Адамович Дегенгард – двадцать лет проработал в Музее Искусств, «и ему было очень обидно, что теперь, когда над Россией засветился луч надежды и свободы, вместе со свободомыслием, за которое сложило головы столько русских интеллигентов, пришло засилие хамства. Когда свежий ветер перемен растрепал прически людей, доселе боявшихся лишней раз громко вздохнуть, и они, эти люди, обрадовались тому, что им выпало счастье своими глазами увидеть то, о чем они и не мечтали, случилось неожиданное. Люди поняли свободу НЕПРАВИЛЬНО! Не как возможность высказывать свое мнение о чем угодно, не оглядываясь через плечо, не как возможность сходить в музей и посмотреть все что хочешь, не как возможность прийти в кино и увидеть фильм Тарковского или Вайды без купюр, не как возможность прийти в библиотеку и взять любую (ЛЮБУЮ!) книгу о чем угодно, не как возможность участвовать в управлении государством путем свободного голосования за кого-нибудь, а совсем по-другому! Какая-то дрянь вместо всего этого вышла! Люди расценили полученную ими свободу как свободу гадить друг другу на голову! Гады! Свобода слова свелась к безнаказанной матерщине в общественных местах! Вместо музеев – ночные клубы с проститутками и наркоманами! В кино и по телевизору – пропаганда насилия и сексуальных извращений. А за какие голосуют партии? За партии негодяев и мошенников! Убить человека стало легче легкого! Заплати наемному убийце за грязную работу и всё! И можешь, если денег хватит, убивать кого хочешь – хочешь банкира, хочешь президента, хочешь популярного телевизионного ведущего, если тебе не понравилось, как он пострится...»

Я не знаю, хотели того сами авторы или нет, но их роман можно без всякого преувеличения назвать очередной «энциклопедией русской жизни». Просто эта самая жизнь у нас нынче... такая... что литературно и не выразишь...

«...Мишка вернулся к трактору. Завинтил гайку. Сел на гусеницу, закурил. Мимо прошел грязный гусь. Вот и я, как этот гусь носатый – всю жизнь в машинном масле. – Коновалов вздохнул. – И вся страна так. Ходит грязная, нищая... тощая и вонючая... Отчего так выходит? Страна же наша богатая, и люди в ней хорошие – все условия для нормальной жизни налицо. А живем в жопе! Почему так? Вопрос...»

Читая почти восьмисотстраничный роман Белоброва-Попова о нашествии вампиров на деревню Красный Бубен, то и дело ловишь себя на сопоставлении этого произведения с творчеством широко ныне растиражированного в России Стивена Кинга. При этом речь идет не столько о следовании за какими-то внешне эффектными сюжетными линиями этого неистощимого на пугающие истории автора, сколько как раз о характерной для него психологически точной выписанности особенностей поведения большинства его персонажей, а также о правдиво-достоверной детализации и самой воссоздаваемой на страницах «Красного Бубна» народной жизни, вместе с хорошо узнаваемыми подробностями которой «заглазываются», как искусно выточенная блесна, и откровенно фантастические сцены нападения мертвецов на обитателей этой тамбовской глубинки. Давно ведь известно: чем узнаваемее и реалистичнее изображен фон произведения, тем легче читателю принять вместе с ним и

вкрапленное в него фантастическое наполнение. (Не случайно ведь Габриэль Гарсиа Маркес счел необходимым подчеркнуть в своем романе «100 лет одиночества» ту деталь, что Ремедиос Прекрасная не просто вознеслась однажды на небо, но сделала это именно на перкалевых простынях, которые она развешивала со своей сестрой во дворе для просушки.) Вот и почти весь роман Белоброва-Попова наполнен именно такими – художественно достоверными – приметам реальной сегодняшней жизни самого что ни на есть рядового и хорошо всем знакомого человека российской глубинки (разве что, может быть – касающимися не столько ее материальных, сколько общественно-политических характеристик или же интеллектуально-нравственного уровня ее граждан). Читаешь – и, пускай и против своей собственной воли, пускай даже морщась брезгливо фыркая в сторону, а соглашаешься – увы, это наша сегодняшняя жизнь и наши о ней суждения. По крайней мере, довольно многих из нас. Например, такие, как о произошедших в стране переменах:

«– Да... Говно... Одно кругом говно теперь... Вылезло говно и все засрало... Точно, а?.. Вот именно!.. Раньше-то говно не пускали! Не было хода говну... Перекрыты были для говна все пути! Извне и изнутри! Всё было в рамках, – пенсионер рубанул ребром ладони по воздуху. – А вот пустили тонкую струйку в восемьдесят пятом – и вон чего из этого вышло! Говно вышло из берегов и всё затопило!..»

Или – о власти в России:

«...Георгий Адамович подошел к столу, освещенному желтым светом настольной лампы. За столом сидел Игорь Степанович Хомяков в синей форме и разгадывал кроссворд...

– Здорово, Георгий... Ходячий мертвец из пяти букв, вторая «о»?

– Зомби.

– Точно! Подходит... Тогда скажи... э-э-э... Райское блюдо, вторая «м», восемь букв, кончается на «я»?

– Амброзия.

– Подходит!.. Хорошо с высшим образованием... Кроссворды какие стали идиотские! Не жизненные! Раньше, например, вопрос: Река в Индии, – Хомяков поднял шариковую ручку. – Пойдешь, в атласе посмотришь. Поучительно. Запомнишь, что есть в Индии река Ганг. А теперь что?! За каким лешим мне эти зомби и амброзии? Вот ты, Георгий, человек образованный, скажи мне, почему вокруг блядство происходит?

– Потому, что демократия себя не оправдала. России нужна другая власть.

– Точно, – Хомяков сжал руку в кулак. – Вот такая! Твердая рука нужна, которая наведет в стране порядок.

– Нет, – не согласился Дегенгард, – такой порядок мы уже проходили. России нужен новый порядок. Разумный, – он вздохнул.

Хомяков поглядел на него сверху очков.

– Никто и не говорит, чтобы дураки управляли. Ясное дело, умные пусть, – Игорь Степанович посмотрел в газету...»

О возрождении Православия:

«Государство после революции отобрало у церкви храмы и устроило во многих из них музеи. И если задуматься немного, были в этом и свои положительные стороны: в храмы ходили только верующие люди, а в музеи ходят все, имея равную возможность прикоснуться к красоте. А недавно процесс пошел в обратную сторону – храмы начали возвращать церкви, а церковь бесцеремонно выгоняет из храмов музейных работников, благодаря стараниям которых культурные ценности сохранились до нашего времени. Выгоняют интеллигентных специалистов, а на их место ставят неграмотных монахов, которые-то и монахами стали не из благородных побуждений, а оттого, что оказались непригодными ни к какому роду деятельности. Георгий Адамович точно знал, что среди священников полно бывших бомжей, алкоголиков и наркоманов. Всю жизнь они предавались низким удовольствиям и тунеяд-

ствовали, а когда их прижало, подались в религию, потому что там бесплатно кормят, дают крышу над головой и не надо по-настоящему работать...»

О русской интеллигенции и ее кумирах:

«Интеллигенция – такая формация, которая себя уже того... выработала, она отошла в историю, как неандертальцы или феодалы какие-то... Еще лет пять-десять – и это поймут все... Даже Солженицын и тот поймет... У Российской интеллигенции было две фазы – дореволюционная и советская. Ну, дореволюционная – это еще туда-сюда, хотя, тоже фигня и мозгозасирательство... Ну, Достоевский... ладно еще, сойдет... А вот Толстой Лев – это, блин, обалдеть можно... особенно под конец... Был, вот, нормальный парень... бухал, развратничал, потом попал на войну с чеченами... стал писать, как Хемингуэй... ну, женился сдуру, детей она ему нарожала... и он всю дорогу пытался от них сдриснуть... под конец сдриснул все-таки и умер от счастья! Вот и весь жизненный путь – жизнь обычного затюканного человека. А из него сделали короля русской интеллигенции!..»

Роман Белоброва-Попова – это невероятно прочно сплетенное в единую ткань соединение высокого и низкого, трагедийного и смешного, пафоса и пошлости, серьезности и хохмачества, но разве в реальной нашей жизни все эти вещи так уж и далеки друг от друга?

«...Хотелось бы от этого от всего уехать куда-нибудь на Валаам... или в Оптину Пустынь, – мечтательно говорит уставший от своего бизнеса Леня Скрепкин. – Что за жизнь такая?! Крутишься, как белка... Всё дела, бабки, люди... А душе это на хер нужно?! Вон – бабочки летают, птицы поют. А чтобы увидеть их и услышать, надо усилие над собой сделать, потому что голова забита говном!.. Ненавижу свою жизнь! – он резко затормозил.

Вероника чуть не влетела головой в лобовое стекло. Но Скрепкин этого не заметил. Он выскочил из машины, подбежал к обочине, упал на колени, уронил голову в траву и распростер руки по сторонам. С минуту он не двигался. Вероника испугалась и не знала, что делать. Но тут Леня поднял голову.

– Земля – наша мать! Не надо забывать этого! – он поднялся, отошёл за куст и помочился...»

К приведенным выше цитатам можно добавить еще и то обстоятельство, что практически все персонажи «Красного Бубна» бесконечно много и часто пьют, матерятся, дерутся и ругаются друг с другом, пишут на заборах всякие нецензурные гадости, совокупаются в самых неожиданных местах с знакомыми и незнакомыми партнерами, а также совершают на каждом шагу множество других аморальных поступков, – словом, ведут себя крайне неподобающе и, что особенно огорчительно – почти ТИПИЧНО для большинства из нас. Я так даже думаю, что многие прочитавшие роман как раз больше всего и обидятся на авторов за эту столь явную УЗНАВАЕМОСТЬ, увидев себя в выведенных ими образах не такими, какими большинству из нас хотелось бы выглядеть в чужих глазах, а как в правдивом зеркале – со всеми нашими изъянами и уродствами. Однако же именно благодаря столь правдоподобно сотканному реалистическому фону романа оказывается возможным и правдоподобное восприятие его фантастической составляющей, чрезвычайно густо населенной представителями враждебного потустороннего мира. Волей судеб, глухая тамбовская деревня Красный Бубен оказалась центром борьбы сатаны за власть над миром. Стремясь во что бы то ни стало заполучить некий запятанный в алтаре местной церкви магический предмет, Князь Тьмы и его подручные превращают в вампиров практически всех жителей деревни, формируя из них свое страшное inferнальное воинство. И только несколько человек находят в себе силы противостоять сатанинскому натиску и сохранить свои души для вечной жизни. Собственно, хоть описание физической борьбы с нечистью и занимает в романе почти все его пространство, главное действие происходит все-таки не на деревенских улицах и не на чердаках или в подвалах домов, где герои забивают осиновые колья в грудь своих земляков-вампиров, а – в их собственных душах. «Боль от удара – ерунда перед ужасом вечных

мук!» – понимает, сильно ударившись при падении ребрами о землю, старик Абатуров, за которым гонятся оборотни. Погибнуть физически – это еще не самое страшное по сравнению с угрозой превратиться в вампира и вплоть до Страшного Суда служить сатане, пью кровью из своего же православного народа, – к пониманию этой истины (по сути, повторяющей собой евангельское наставление «Не бойтесь убивающих тело, а бойтесь убивающих душу») приходят и некоторые другие персонажи романа, душевная твердость которых вкупе с Божественной помощью как раз и оказываются тем непреодолимым бастионом, который встает на пути беса к мировому господству и одолеть который оказываются не в состоянии никакие темные полчища. «Когда закончились патроны, Коновалов понял, что пропал. Монстров было слишком много, а у него сломаны ноги. Мишке отчаянно не хотелось умирать, но еще больше не хотелось превращаться в такого вот гада с зубами. Это было хуже смерти, хуже всего. Мишка не мог согласиться, что после всего, что он сделал хорошего за последние дни, он попадет в ад, потеряет душу и станет таким же кровососом, как Колчан. Что же делать?! Монстры окружили Мишку плотным кольцом, и один подошел уже настолько близко, что Мишка смог до него достать прикладом автомата. Голова упыря слетела с плеч и отскочила назад...»

...Говоря о том источнике, из которого герои «Красного Бубна» черпают себе силы для сопротивления монстрам, очень хотелось бы поддаться красивому соблазну и сказать, что таким источником для них служит их православная вера, однако же на самом деле, хотя они и укрываются от бесов в деревенской церкви, защищаясь от них святыми иконами, движет ими, если говорить честно, все-таки не вера, а скорее всего – та невыносимая и мучительная боль за бесцельно прожитые годы, которая вдруг обжигает их изнутри, толкая хотя бы на какие-то значимые поступки, способные компенсировать все неосуществленные в течение прежней жизни мечты и стремления. «Мишка с ужасом подумал, что вся его жизнь зря. Ни одна его мечта осуществилась. Ни одно желание не исполнилось. Ничего интересного в жизни не было. Ни-че-го! Одно только пьянство, грязь, мерзость, драки и жалкие серые дни... Как же так?! Как же так получилось, что жизнь прошла так, что в ней не было ничего такого?!. Чем же он гордился всю жизнь? Что он защищал, когда мудохал обидчиков?..»

Не случайно, наверное, и ставший вампиром Колчанов считает себя вправе обвинять своих бывших односельчан в неправильности и несправедности их жизни, бросая в лицо тому же Коновалову слова о том, что: «Жизнь ваша никчемная! Зажились вы тут все! Пора вас кончать!» Да и вообще, хотя действия упырей и оборотней и вызывают полное отторжение, сами высказываемые ими обвинения кажутся не такими уж и несправедливыми, тут трактование роли нечистой силы Белобровым-Поповым смыкается с тем, которое придавал ей в «Мастере и Маргарите» Михаил Булгаков, выставивший эпиграфом к своему роману цитату из «Фауста» Гете: «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Благо или не благо, но под словами, с которыми одетые в солдатскую форму оборотни издеваются над заночевавшими неподалеку от Красного Бубна музыкантами рок-группы «Собаки Лондона», могли бы, наверное, подписаться и многие из настоящих ветеранов Великой Отечественной.

«– ...Кто будет дергаться – расстрел на месте! – сказал старик. Он вытащил из кармана клочок бумаги, развернул, посмотрел на всех строгим взглядом и стал читать. – Народный Комиссариат Внутренних Дел сообщает, что в деревню Красный Бубен бешеными собаками американского капитализма запущена летающая тарелка с экипажем шпионов-диверсантов, которые имеют задание развезать по России на машине и развращать нашу молодежь про-американскими песнями...»

– Да вы что! – не выдержал Валерка. – Какие мы шпионы?! Мы русские, как и вы!
Колчанов резко выкинул вперед руку и схватил Валерку за яйца.

– Русские?! – он приблизил свое лицо к лицу Валерки, обдав его смрадным запахом, и крутанул руку с яйцами на полтора оборота по часовой стрелке. Валерка взвыл.

– Русские так не воют, – сказал старик. – Так воют американские шакалы, которые называются у вас койоты! Это раз! Русские так не одеваются, так не стригутся, и от русских так не воняет дерьмом! – он ударил свободной рукой Валерке в глаз. – Русские пьют водку, а не курят дурь! – старик засунул руку Валерке под косуху и вытащил оттуда пакет с травой. – На, жри, падло американское! – он впихнул мешок Валерке в рот. Трава посыпалась на грудь. Из рта у Валерки потекла зеленая слюна. – Русские не пишут таких песен: Ботинки-бугиноги! А тем более их не поют! Русские поют песню: Расцветали-яблони-и-груши!..

Солдаты затянули «Катюшу». Колчанов одной рукой дирижировал в воздухе, продолжая другой держать Валерку за яйца. В конце каждого куплета он сжимал кулак, и Валерка истошно вопил.

– Вот как поют русские солдаты, – сказал он после песни. – И вот как воют американские шпионы в бессильной злобе им помешать! – он разжал руку, и Валерка повалился на землю без чувств. – Вставай, америкашка, – Колчанов пнул его ногой. – Если бы ты был русский, ты бы не валялся в грязи, как тварь, а сражался бы до конца за свои тухлые яйца...»

Таким образом, пускай даже и откровенно ерничая и вещая через уста служителей нечистой силы, но авторы «Красного Бубна» все же прямым текстом говорят своим молодым читателям о том, что им надо делать для того, чтобы не оказаться в положении несчастного рок-музыканта Валерки. Вспомни, говорят они, кто ты есть по духу, и сражайся за свои национальные ценности, а не паразитируй на пропаганде чуждой твоему народу культуры. Иначе – вместе с этой самой чуждой культурой заявится на твою землю всякая кровососущая нечисть и вместо ожидаемой благодарности ухватит тебя костлявой рукой за самое твое большое и уязвимое место...

В отличие от елизаровского «Pasternak'a» роман Белоброва-Попова «Красный Бубен» заканчивается полным поражением сатаны и гибелью его воинства. Однако это вовсе не означает, что он заканчивается победой тех, кто этому воинству противостоял, потому что, как ни крути, а бесу все-таки удалось за очень короткое время сформировать себе многочисленную армию, превратив в вампиров не только почти всех жителей Красного Бубна, но и население окрестных населенных пунктов, а также множество проезжавших мимо деревни автоводителей. Мало того, что в результате дьявольского нашествия оказалась полностью стертой с лица земли целая деревня вместе с находившейся в ней церковью, а ее жители превратились в омерзительных упырей, – в воронку событий оказались втянутыми еще и несколько военных самолетов из расположенной поблизости воинской части, которые тоже стали жертвами воздействия бесовской силы. Очень уж быстро управлявшие ими летчики поверили в ложные сообщения о выдвинутых против них обвинениях или же в измену самых любимых и близких им людей. А главное – за душой у каждого оказалось слишком уж много греховного багажа, через который сатане и удалось воздействовать на подавление их собственной воли, превратив каждого из них в послушное орудие своего античеловеческого замысла.

Все это показывает, что населяющие книгу персонажи все-таки так пока еще и не обрели в своих душах той истиной веры, которая единственная могла бы стать для них надежной защитой от всяких возможных в последующем повторений описанной в романе ситуации. Но если творчество Стивена Кинга показывает, что Америка уже даже в критические моменты не вспоминает о существовании Бога и не обращается к нему за помощью, то роман Белоброва-Попова говорит о том, поиск граждан России в аналогичных ситуациях направлен все-таки в сторону Церкви и Бога, хотя это пока и происходит по большей части на каком-то чисто материалистическом уровне. Герои хотя и укрываются от бесов в храме, но

продолжают вести с ними борьбу теми же методами, что и герои Кинга, то есть – отстреливаясь серебряными пулями. Но сколько бы серебряных пуль они ни отливали и как бы метко ни стреляли, а «род сей», как сказано о бесах в Новом Завете, «побеждается только постом и молитвою», и ничего более действенного, чем наставления гоголевского деда Максима, русская литература пока своим читателям дать не может. А потому, пока герои современной нашей прозы не призовут себе на помощь гоголевского деда Максима из рассказа «Заколдованное место», чтобы тот крикнул во весь голос: «Ану-те, ребята, давайте крестить! Так его! Так его! Хорошенько!» – трагедия Красного Бубна будет повторять себя в произведениях других авторов и количество жертв сатаны будет постоянно множиться. Тогда как, наверное, уже давно пришло время дать ему решительный литературный бой...

Александр Агарков Город

Глава 1. Гости

Тогда я уже три месяца как жил в небольшом городе, который носил гордое название Кэрмот. И в общем он начинал мне нравиться, уютный небольшой дом, обустроенный по минимуму, улыбочивые соседи. Все настраивало меня остаться здесь, вести спокойную и размеренную жизнь. С профессией детектива я нанюхался порошу на долгие годы вперед, пора отдохнуть. Но все не так просто...

Я проснулся ранним солнечным утром и, сделав себе кофе, взял книгу и пошел в кабинет. Но все мои планы разрушил яростный стук в дверь. Открыв ее, я увидел на пороге двоих – угрюмого мужчину в потрепанных брюках, жилете, клетчатой рубашке и черных поцарапанных ботинках. Рядом стояла заплаканная женщина в домашнем платье, фартуке и старых балетках.

Не дав мне сказать и слова, мужчина с прищуром посмотрел на меня и сказал: «Это вы Блэр Коулман?»

Я удивился: и откуда он может меня знать? И вообще, кто он такой? Но вслух сказал: «Да, но кто вы? И откуда обо мне узнали?»

– Здравствуйте, меня зовут Айзек Берсс, а это моя жена Милли, – женщина всхлипнула. – Нам сказал о вас Джил, бармен в «Свирепой медведице». И очень хорошо отзывался о ваших... способностях. Времени у нас мало, так что перейдем к...

– Стоп! Да кто вы такой? Врываетесь в дом! Ведете себя здесь как хозяин! – я был вне себя от ярости.

– Да, вы правы... Извините, мы недавно пережили горе... Наш сын, Кэрри... пропал, – Айзек потупил взгляд, Милли зашлась в приступе плача.

Я вздохнул и, немного помедлив, сказал:

– Заходите и ждите меня в гостиной.

Откашлявшись, я пошел в кабинет за блокнотом и ручкой, на обратном пути заглянув на кухню за стаканом воды для дамы, и услышал отрывок их разговора.

– Айзек, ты правда думаешь, что он найдет моего малыша? Ты правда веришь? – всхлипнула Милли.

– Да, дорогая, верю, – тихо сказал Айзек.

Войдя в комнату, я сел в кресло перед моими гостями. Нас разделял лишь маленький журнальный столик из дуба, на него я и поставил стакан с водой для так и не успокоившейся женщины. Взяв стакан, она жадно выпила все его содержимое и, тихо улыбнувшись, сказала:

– Спасибо...

Я улыбнулся в ответ:

– Ну что ж... С чего начнем поиски, может быть, есть подозреваемые на примете или... вы ссорились этим днем?

– Нет, нет... Мы не ссорились. А это так важно?

– Да, большинство детей, глядя на ругающихся родителей, просто убежали из дома, и я находил их, изможденных, под деревьями в лесу... Ладно. Он выходил на улицу без вас?

– Нет, что вы... Весь день он сидел дома, а когда мы пришли, его уже не было, – сказал мужчина.

– А дверь была закрыта? Ставни окон? – спросил я, понимая, что простым это дело не назвать.

– Да, все было... закрыто, – сказала Молли, всхлипывая.

– Хорошо, хорошо. Как он выглядел? – спросил я задумчиво.

Айзек протянул мне фото. На нем был запечатлен мальчик лет двенадцати. Он был небольшого роста, стройный, с большими карими глазами и широкой улыбкой. Волосы русые, короткие. Одет был в темные шорты, светлую футболку. А на ногах, как и у отца, были черные грязные ботинки. Поблагодарив, я положил фото на столик.

– Я буду искать, – сказал я. – Но я еще не понял, с чего...

– Мистер Блэр, – перебила Молли, – я...

– Молли, нет! – вскричал ее муж. – Мы идем домой! Незачем говорить этот бред еще и детективу. Извините, мистер Коулман. Спасибо, мы пойдем...

Он взял свою жену за руку и повел к двери, я пошел за ними. Открыв дверь, они вышли. Я наблюдал. Когда они отошли от дома на несколько десятков шагов, Молли наконец высвободила свою руку и, подбежав ко мне, отдала свернутую бумагу, сказав: «Обязательно прочитайте!» – и убежала обратно к мужу, который уже направлялся к нам. Я проводил ее недоуменным взглядом и закрыл дверь.

Зайдя в кабинет, я сел за стол и развернул сложенную бумажку, в ней было написано следующее:

«Я знаю...»

Дальше ничего нельзя было разобрать, чернила смазались...

Весь оставшийся день я сидел в своем кабинете, раздумывая о событиях этого дня. Утренние гости говорили об одном потерянном ребенке, а теперь я узнаю о том, что их множество. Что вообще происходит в этом городке? глубоко вдохнул и продолжил листать ветхие газеты. Весь оставшийся день я провел в кабинете, составляя список пропавших детей.

* * *

... Он бежал по канализации, моля бога, чтобы его не поймали. Ботинки стоптались, а сам он был по щиколотку в грязи. Мальчик остановился, вслушался в гробовую тишину, окружающую его со всех сторон, и вдруг услышал странное хлюпанье. Побежал дальше. Развилка, темный туннель, развилка, еще одна, нескончаемый темный и пугающий туннель. И вот наконец: «Свет! Это люк!», – подумал мальчик. Но вдруг сзади он услышал: «Кэрри, где ты? Мы играем в прятки? Но я не люблю эту игру, выходи!» – сказала нечто больше похожим на скрип голосом. Вдали туннеля послышалась возня, и вот из тени показалась огромная, занимающая весь туннель рука: «Ты здесь, Кэрри? Маленький негодник!» – рука начала ощупывать туннель, медленно приближаясь к мальчику. Кэрри раскрыл рот в немом крике и, справившись с парализующим страхом, полез по лестнице вверх, к свободе. «Кэрри! – проскрипел голос, рука потянулась к мальчику. – Ты мой! Ты моя собственность! Я спас тебя! Ты бы сгнил в этом мире наверху, тебе дали шанс!» Сделав резкий рывок, рука схватила бедного мальчика за правую ногу и потянула к себе. Мальчик брыкался, истошно кричал, умолял... Но его тащили назад, назад во тьму, назад в город ужасного Кэрмота...

Глава 2. Это только начало

Я проснулся от истошного лая собак и стука в дверь. Вскочив, как ошпаренный, и натянув на себя халат, я побежал к двери. Снимая с двери задвижку, я спохватился и в последний момент отдернул руку. И тихо спросил: «Кто это?»

– Мистер Блэр, мистер Блэр! Откройте, это важно! – я услышал надрывный голос Айзека Берсса.

– Сейчас, сейчас, – сказал я открывая дверь. – Что случилось, Айзек?

– Молли... она пропала! Пропала! У меня никого не осталось! – Айзек в ночной сорочке и в тапочках стоял передо мной, заливаясь слезами.

– Проходите, – сказал я, включая свет и щурясь с непривычки. – Вам принести воды?

– Нет, нет, спасибо, – пролепетал Берсс, немного успокоившись.

– Так, а теперь расскажите все подробно... Где, как, когда, – сказал я садясь в кресло перед Айзеком.

– Ночью... Ей стало плохо, и она вышла подышать свежим воздухом... Но... потом я услышал крик, а когда выбежал во двор, ее уже не было, – Айзек снова заплакал.

– Ее фотография у вас с собой?

– Да, да... Держите.

– Так... хорошо, сейчас вам надо успокоиться и поспать, – я попытался улыбнуться. – Как говорится, утро вечера мудренее.

– Да, вы правы, – тихо сказал Берсс. – Надо поспать... До свидания.

Он тихо вышел и закрыл дверь. Я вздохнул: дело становится все запутанней...

Провалявшись в кровати около получаса, я понял, что уже не усну. Встав и одевшись, я сделал себе чай и пошел в кабинет. На столе лежал блокнот, я его взял и пробежался глазами:

Дело о пропавшем Кэрри Берссе:

1. Дети, пропавшие за 5 лет:

Джон Фостр – окружная психиатрическая больница имени Ф. Р. Рокфилда (13 лет);

Гантэр Стоуран – не найден (10 лет);

Ден Вильфон – скончался (12 лет);

Грэг Типпенс – не найден (9 лет);

Кэрри Берсс – не найден (12 лет);

Джо Роусан – окружная психиатрическая больница имени Ф. Р. Рокфилда (10 лет);

Стенли Моусен – скончался (12 лет);

Деррен Кенел – не найден (12 лет).

Туда же были вложены фотографии этих детей, вырезанные из газет. Взяв ручку и перевернув страницу, я написал «Милли Берсс» и вложил ее фотографию. Положив блокнот в карман, я выключил в доме свет и подошел к двери.

Надев свое старое потертое пальто и шляпу, я вышел из дома. Свежий морозный воздух щекотал мне нос и вселял уверенность. Подняв воротник, я пошел по темной аллее в неизвестном направлении, желая лишь отвлечься от всего свалившегося на мои плечи. Я просто шел и наблюдал, как в окнах загорается свет, как сумрак уступает свое место свету, как ночь сменяется днем. Но еще оставались темные углы, в которых нельзя было сказать, кошка это или монстр из детских кошмаров. И из одного такого угла я и услышал скрипящий голос: «Здравствуй, Блэр. Как проходят поиски?»

– Кто ты? – спросил я, подскочив и борясь с одолевающим меня страхом.

– Это не столь важно, – голос стал жестче. – Убирайся из города, иначе останешься в нем навсегда.

– Угрожаете?! – прорычал я. – Покажитесь!

– Ты слепец! – крикнул мне некто, слышалась возня.

– Кто ты? – повторил я, ответа не последовало.

Поборов себя, я зашел в этот переулок, но никого там не увидел. «Черт...» Домой я возвращался, оборачиваясь на любой шорох или скрип...

* * *

...Он перестал кричать, лишь когда охрип и совсем истощил себя. Мальчик все больше и больше углублялся в канализацию, вонь становилась все нестерпимее, а рука крепко сжимала его ноги, за которые и тащила все это время. У Тэрри все болело, обе руки и лицо кровоточили от множественных ран, и было так темно, что мальчик даже не мог оценить тяжесть увечий. Но вот он обо что-то ударился лбом. «Камень», – подумал мальчик. Темнота стала еще непригляднее, он перестал чувствовать и боль, и руку, оковывающую его ноги, как кандалы.

Очнулся он уже на чем-то мягком, вокруг была непроглядная тьма. Привыкнув, он начал различать то, что находится вокруг него. Тэрри лежал на куче соломы, накрытой сверху старым, вонючим тряпьем. Сам он находился в клетке, сделанной из железных прутьев и досок, они были связаны между собой веревками. Он не сразу заметил еще пятерых детей, лежащих рядом с ним на таких же импровизированных кроватях. Все они были босыми и одетыми в лохмотья. Ему было страшно. Он просидел около часа, не шевелясь, боясь разбудить кого-нибудь из детей...

* * *

Около полудня я вышел из дома и направился в бар «Свирепая медведица». Открыл дверь, и на меня сразу пахнуло перегаром. Зал был забит под завязку. За маленькими обшарпанными столиками ютилось по шесть человек, хотя рассчитаны были максимум на троих. За барной стойкой неизменно стоял мой старый друг Джил, главный в этом заведении и по совместительству бармен. Я подошел, он, улыбаясь, посмотрел на меня: «Кого я вижу, Блэр! Какими судьбами?»

Джил был одет в красную рубашу и черный жилет с блестящими пуговицами, все остальное скрывала стойка.

– Привет, Джил. Давно не виделись! – я улыбнулся. – Я пришел кое-что разузнать.

– Хорошо, только не здесь, – он заговорщицки прищурился, – слишкомлюдно, да и шумно. Идем.

Он скрылся на кухне и вернулся уже с молодым пареньком, который и занял его место с важным видом. Выйдя из-за стойки, Джил с гордостью показал мне черные, как и жилет, несомненно, новые брюки и лакированные ботинки. Он снял фартук и повел меня в подсобку, в которой сидели двое официантов и играли в карты, бармен высказал им все, что о них думал, и они с красными ушами скрылись.

– Ну что, рассказывай, – Джил улыбнулся. – Как у нас в городе, нравится?

– Все бы ничего, но...

– Чего но? – перебил меня бармен.

– Дай договорить. Ты зачем рассказал обо мне Берссам?

– А чего такого? Ты же детектив.

– Я же тебя просил.

– Он пришел ко мне вечером и, напившись, начал плакаться об украденном сыне. Мне нечего было делать... Я и рассказал, для чистоты души и кармы... Я же не только ради себя стараюсь, это и тебе в карму зачтется, – Джил смешно суксил.

- Да у тебя душа настолько же чиста, насколько и печень.
- Ну... Ничего не могу поделать с собой, – он пожал плечами и рассмеялся.
- Так что спросить-то хотел? Или ты за этим и пришел?
- Нет... Я хотел узнать, где находится психбольница имени... – я достал из кармана блокнот и посмотрел. – ... Рокфилда.
- Это долгая история... Лучше ее рассказывать под кружечку-другую.
- Идем... Все равно же так просто не отпустишь.

.....
...Мальчик, спящий рядом с застывшим Кэрри, зашевелился, приподнялся на локтях и повернул голову к нему, нахмурился.

- Это из-за тебя мы остались без еды на целый день?
- Ч-что?

– Понятно. Сейчас ты у меня получишь! – мальчик встал и подошел, демонстрируя свои маленькие пухленькие кулачки. Только сейчас бедный сын Берссов увидел его в полный рост. Он был одного роста с Кэрри, пухлый, с маленьким красным носом и глазами-бусинками, не выражающими ровным счетом ничего.

– Оставь его, Гантэр, – сзади из ниоткуда появился еще один мальчик, на голову выше Гантэра.

– Но, Деррен! Он...

– Оставь! Голод никакого ущерба тебе не принес! – отрезал Деррен. Гантэр скучился и лег обратно на кровать.

– Ты как?

– Н-нормально...

– Тебе следует отдохнуть... Будет тяжелый день, – сказал Деррен, уходя в другой конец клетки.

– Д-да, хорошо, – Тэрри лег на сено.

Проснулся Тэрри от того, что его кто-то пинал. Открыв глаза, он увидел перед собой Гантэра, который с усердием, не обращая внимания на то, что он уже проснулся, продолжал бить его ногами в живот. И это явно доставляло ему удовольствие.

– Вставай! Сейчас я тебя ледяной водой оболью!

– Ты не мог бы перестать меня бить... Я не могу встать... Пожалуйста.

– Так это я виноват?! – начал возмущаться толстяк, но отошел.

– Мы тебя ждем на площади, – сказал Гантэр, выходя из уже открытой клетки.

Кэрри вышел из «комнаты» и огляделся, он находился на заброшенной станции метро. Все пространство занимали клетки, к которым были прикреплены факелы. На рельсах была небольшая круглая площадка, обложенная гнилыми досками, это и была «площадь», на которой столпилось около пятнадцати детей. На ее середине находился шест с масляным фонарем на вершине. Не видя никакой лестницы, Кэрри спрыгнул.

– Что вы тут делаете? – спросил маленький Берсс.

– Ждем приказаний великого Кэрмота, – ответил кто-то из толпы.

– Но... Но это же название города?

– Ты не знаешь? Город назвали в честь великого господина Кэрмота.

– И...

– Тихо, – перебил его вставший рядом Деррен.

– Дети мои, я дал вам шанс на счастливую жизнь, и вы должны благодарить меня, – гулом из туннеля разнесся по станции скрипучий голос, от которого Кэрри задрожал.

– Благодарим вас, отец! – хором ответили ему дети.

– А теперь ступайте, дети мои! Очищайте туннели от грязи.

– Да, отец! – вновь вторили ему дети.

– Пошли, – шепнул Деррен, – нечего стоять.

Дети разобрали завал из стульев, столов и досок. И оголили рукотворного происхождения дыру, конец которой скрывала тьма. Потом, достав из карманов свечи, они зажгли их от факела, прикрепленного рядом с проломом, и углубились во тьму.

– Держи... Кэрри, верно? – спросил Деррен, сунув ему в руку свечку. – Сейчас ты поймешь, почему следует отдыхать в любую свободную минуту...

Глава 3. Разгадка рядом

– А-а-а... Черт... Голова, – сморщился я, – он же сказал... Черт!

Я встал с кровати и посмотрел на часы. Черт, черт, черт! Я опаздываю!

Борясь с головной болью, я оделся и зашел на кухню. На обеденном столе стоял стакан с мутной жидкостью, рядом лежала записка: «Выпей». Понюхав содержимое, я понял, что хуже не будет, и выпил залпом. Меня всего передернуло, но стало в разы лучше. Голова перестала болеть, а мир приобрел краски.

Одевшись и выйдя из дома, я направился по главной городской дороге в психбольницу. Один я шел не долго, вскоре меня догнал Джил, одетый в черное пальто, а на ногах – цвета асфальта ботинки.

– С добрым утром, дружище, – улыбнулся он.

– И тебе не хворать.

– Кстати, мне казалось, вчера ты говорил о безалкогольном пиве?

– Нет, тебе показалось, – рассмеялся Джил.

– А то, что их там находят... Может, их туда помещают, чтобы со следа сбить...

– Да-да-да. По твоим словам, мы ищем гениального и милосердного маньяка.

– Тогда у меня такой вопрос... Если он их все равно в конце концов возвращает, то зачем крадет вообще?

– Это мы и должны узнать!

Дальше мы говорили о погоде, политике и нехватке рабочих кадров. И не заметили, как дошли до этого внушительного здания. Оно представляло из себя П-образный пятиэтажный карцер с решетками на окнах. Заходить в него я категорически не хотел, но что делать?

При входе нас встретили два медбрата-карикатуры. Один маленький и толстенький, а другой высокий и худой. Они переговаривались в стороне, но, как только нас увидели, приблизились.

– Здравствуйте, что вас сюда привело? – в один голос спросили они.

– Нам надо поговорить с... главным, – ответил я, пытаясь не засмеяться.

– Амилия Бэдуин сейчас занята, – сказал маленький и пухлый медбрат.

– Это срочно, – сказал Джил.

– Но она...

– Да ладно тебе, Фред, – вмешался в разговор высокий.

– Но, Джордж! Она же просила... – пытался противостоять своему другу Фред.

– Перестань уже, – хмуро посмотрел на него Джордж, – она на втором этаже в кабинете диагностики.

– Спасибо, – улыбнулся Джил и потянул меня к лифту.

На втором этаже был нескончаемый коридор с кучей дверей с каждой из сторон. Нам потребовалось немало времени, прежде чем мы нашли медсестру, которая и указала нужную дверь. Открыв ее, мы обнаружили женщину лет пятидесяти с седыми волосами до плеч, сидящую за столом, прогибающимся от огромного количества книг и бумаг. Оторвавшись от тома «Современной медицины», она встала из-за стола, одернула медицинский халат, застегнутый на все пуговицы, и подошла.

– Здравствуйте это вы Амилия Бэдуин? – начал разговор я.

– Да, что случилось? – спросила она, поправляя очки.

– Меня зовут Блэр Коулман, а это...

– Джил... Куинс, к вашим услугам, – мой друг улыбнулся, – мы детективы и расследуем дело о пропавших детях...

– И нам надо поговорить с найденными, – на этот раз его перебил я.

– Эх-х... Сколько уже таких, как вы, приходило... Все без толку, их не найти, – Амилия вздохнула. – Идемте.

Бэдуин повлекла нас за собой на пятый этаж. Поднимались мы молча.

– Вот, детское отделение... Сама я туда не пойду, слишком больно, – она еще раз вздохнула. – Единственный, кто с вами будет говорить, – Джон Фостр. Он находится в комнате под номером 9, вот код от двери, удачи.

Она ушла. Открыв дверь, мы попали в очередной коридор, с каждой стороны было по десять дверей, сам коридор заканчивался тупиком. Найдя нужную комнату, мы ввели код и зашли. В комнате с поролоновыми стенами на кровати сидел мальчик и смотрел в окно, он был худ и бледен и не сразу повернулся к нам.

– Что вам надо? – хрипло спросил он.

– Мы... – начал я.

– Я знаю, детективы... Очередные жертвы.

– Кого? – спросил Джил.

– Богом забытого города...

– Нам надо поговорить...

– Нет! Возьмите листок со стола и убирайтесь!

Подойдя к столу, я взял листок и кивнул Джилу, мы вышли.

– Какой весь из себя важный, – взбеленился Джил, – вишь ты!

– Остынь, он многое пережил...

У выхода из психбольницы стояла Амилия и кричала на уже знакомых нам медбратьев.

– Я что вам сказала! Посторонних не пускать!

– Но...

– Что но?! И что, что они детективы?!

– Мы...

– Кретины вы! Долой с глаз моих!

Медбратья, опустив головы, побрели к лифту. Когда наши взгляды пересеклись, Фред зло на меня посмотрел. За это друг ткнул его плечом, и толстяк вновь погрузнел.

– Ну что? – спросила она, когда мы подошли. – Он с вами поговорил?

– Ну... Что-то пошло не так, – сказал я, – он дал нам листок и выгнал.

– А-а-а... Он такие всем, кто его спрашивает, дает. Что ж, мне пора. Прощайте, – сказала она и скрылась в коридоре.

Мы вышли на свежий воздух, и сразу стало легче.

– Угнетающая обстановка, правда? – спросил Джил.

– Не то слово! – ответил я. – Ладно, пошли.

Пока мы шли, небо становилось темнее и темнее, а когда мы подошли к моему дому, начался дождь.

– Осень, печальная пора...

– Хватит философствовать, пошли, Джил... Мокро же!

– Иду, иду...

Сняв верхнюю одежду, я включил свет, и мы сели в кресла.

– Ну что, доставай этот листок! Интересно же! – торопил меня он.

– Вот-вот...

«Хотите найти разгадку? Побродите по канализации...»

– Все, что ли?

– Ну да...

– А зачем четыре слова писать на таком большом листе? – Тебя только это волнует?

– Честно? Да!... В общем, берем сапоги, фонари, и вперед! – воскликнул Джил.

– Черт! Ну пошли...

Подготовившись к походу, мы надели капюшоны и вышли. Идти долго не пришлось, люк находился у меня в саду. Приподняв его найденной тут же палкой, мы спустились в зловонную городскую канализацию.

* * *

...Кости ломило, а каждое движение отдавалось болью в мышцах. Факелы уже были потушены, а свечка прогорела до конца, наступила тьма, и Кэрри шел на ощупь. Когда он дошел до клетки, там его уже ждали все. Деррен, Гантэр и еще трое мальчиков, которые плакали, если с ними начинали разговаривать.

– Кэрри, действительно же был вкусный обед? – спросил его Деррен. – Гантэр говорит, что было мало мяса!

Мальчик вздрогнул, ему никогда теперь не забыть эту сцену...

Вечером когда они возвращались с просто каторжных работ, Кэрри увидел, как в туннеле появилась рука и что-то несла. Когда она приблизилась, Кэрри увидел, что она несет огромную кучу непонятной и разноцветной массы, просачивающейся между огромными пальцами и капающей на бетонные плиты. Это и был так называемый ужин. Но как на него набросились дети... То, что для Кэрри было отвратительным, для них было лучшим, что они когда-либо ели. Дети набросились на эту кучу и ели все без каких-либо столовых приборов. Кэрри попробовал, но от такой еды его чуть не вывернуло наизнанку.

– Ну так что, Кэрри?

– А? Да, да, вкусный...

– П-ф-ф, ты просто не разбираешься в еде! – воскликнул Гантэр.

– Ладно вам, надо отдохнуть, – сказал Дерен, ложась на кучу соломы...

Глава 4. Туннели, ведущие в неизвестность

– Фу... Тут воняет, – скривился Джил.

– А ты что хотел? И перестань светить мне в лицо.

– Ладно, ладно... Идем, что ли. Так сказать, навстречу неизвестности, – рассмеялся мой друг.

Дальше мы шли по темным туннелям в полном молчании. Периодически нам встречались маленькие трупки крыс, отчего становилось еще страшнее. Минут через сорок мы дошли до первой развилки.

– Куда пойдём? – спросил Джил.

– Направо, – сказал я, немного помедлив.

– Почему?

– Не знаю...

Пройдя таким способом еще четыре развилки, мы остановились и вслушались в давящую на уши тишину. Вдруг послышались хлюпанье и чья-то возня. Метрах в десяти возникло нечто.

– Т-ты тоже это видишь? – спросил меня Джил.

– Д-да...

Нечто приблизилось и показало себя, это была огромная рука, занимающая весь туннель. Ее пальцы были толщиной с мою талию, а ногти были грязные и обломанные.

– Бежим! – взвыл Джил и рванул в противоположную сторону.

Я не заставил себя ждать и последовал примеру своего друга.

– Куда же ты, Блэр? Я тебя предупреждал, – разнесся по канализации скрипучий голос. – Теперь ты тоже мой!

– Эта штука еще и разговаривает?! – вскричал Джил. – Это перебор!

– Беги молча! – сказал ему я. – Иначе выдохнешься!

Мы бежали долго, чувствуя присутствие этого «нечто». Джил бежал впереди меня и периодически, падая, полностью скрывался в этой жиже. Спрятавшись в небольшой выемке в трубе, мы перевели дух.

– Нет, ну ты видел? – прошептал мне Джил – Пальцы... разговаривает... огромная вся такая. Это вообще, что?

– Да откуда мне знать! Я сам впервые ЭТО вижу! – тихо сказал ему я.

Несколько минут мы сидели молча, глядя на жучка, ползающего по куче тряпок.

– Но... что делать-то будем? – прервал молчание я.

– Это ты у нас детектив... Тебе решать.

– Ладно... Он сказал, что «ты теперь тоже мой»...

– Значит, мы не первые, может, эта штука и крадет детей, – перебил меня Джил.

– Зачем?

– Не знаю... Просто как вариант.

Вдруг мы услышали легкую вибрацию стены, о которую мы облокотились.

– А это ч-что? – начал заикаться мой друг.

– Не знаю, – напрягся я.

Вибрация стала сильнее. Мы отошли от стены. Через пять минут посыпалась мелкая каменная крошка, через еще три – маленькие камни. Дальше посыпались камни примерно с кулак, и в конце концов послышался треск, и перед нами появился небольшой темный проем. В нем стоял маленький худенький мальчик с чем-то похожим на кирку. Немного помедлив, он вышел на свет, это был паренек лет двенадцати с длинными темными, скорее от грязи, волосами, его глаза были тусклыми, и в них была глубокая, многим не знакомая в его воз-

расте грусть. Одет он был в тряпье, обуви не было. Все это время мы стояли и в исступлении смотрели на мальчика.

– Кэрри? – спросил я.

Мальчик встрепенулся:

– Да, сэр. Вы пришли забрать меня?

– Да, Кэрри, пора домой. Но как ты попал сюда?

– Сэр... Меня... выманили... и это огромное грязное существо уволокло меня в канализацию! Нас там много... спасите! – мальчик не выдержал и заплакал.

– Джил, уведи его.

– Но...

– Джил!

– Хорошо, – он взял мальчика за руку.

– Кэрри, последний вопрос. Где остальные?

– Идите прямо по этому туннелю, дальше увидите, – мальчик снова заплакал и уткнулся в грудь Джилу.

– Удачи, Джил.

– И тебе удачи, Блэр...

Я, как и сказал мальчик, пошел по этому туннелю в неизвестность. Передвигаясь на ощупь, я увидел впереди свет и пошел на него. Я вышел на станцию метро, она была заставлена клетками, в которых кучами было навалено сено и тряпье. Освещали это место факелы. Пройдя немного вперед, я увидел детей... Их было около двух десятков, худые и грязные, они, визжа, бегали по станции. Увидев меня, они остановились, закричали и побежали врассыпную, прячась. Единственное, что я смог различить, – это крик одного мальчика: «Отец, помоги!» Я стоял в шоке: все те, кого оплакивали родители, решив, что они мертвы... были здесь! Вдруг все подо мной задрожало, и я услышал скрипучий голос: «Блэр! Выходи! Ты мой!» Я побежал по станции, ища убежище. Увидев маленькую овальную выемку, я залез туда.

– Блэр! Ну куда ты?!

И я увидел ЭТО... Оно ощупывало всю станцию, плавно приближаясь к моему укрытию.

– Блэр! Ты мой!

Я молчал.

– Молчишь? Хорошо... Я уже рядом с твоими друзьями... Они это чувствуют и боятся, а я люблю страх... Хочешь, я их оставлю в покое? Выходи!

Я молчал.

– Я уже рядом... Я могу схватить их и утянуть во тьму, из которой никто не возвращается! Выходи!

Я сжал кулаки, но молчал.

– Хочешь, я отпущу всех? Выходи!

– Хорошо! – немного подумав, сказал я. – Выхожу!

– Мне это уже не требуется, я знаю, где ты! – рука рывком приблизилась ко мне и схватила.

– Ты мой!

– Но ты обещал! Все будут свободны!

– И я сдержу свое обещание...

Рука тащила меня по непроглядной тьме, я не знал, сколько времени прошло, где я, выбрались ли мой друг и Кэрри, свободны ли дети... Меня перестали тащить, отпустили.

– Зачем я тебе нужен? – крикнул я во тьму. – Зачем?! Кто ты?!

– Я великий Кэрмот! Я и есть... этот проклятый город. Ты слишком много знаешь... Твой друг алкоголик, а детям и подавно некто не поверит. А ты другое, ты детектив, с твоим мнением считаются люди, тебе верят. Я не могу тебя отпустить. – Голос умолк.

– Я могу тебя успокоить. Твой друг и мальчик выбрались, дети тоже свободны... Кэрри обнимает своего отца, не зная, что его мать поглотил подземный мир, и она бродит по бесконечным туннелям, пытаюсь найти выход... Которого нет! – Голос вновь умолк.

– Ты выиграл... Но не всегда история заканчивается для всех «хэппи эндом» ... Не всегда можно выйти из игры сухим... Не всегда можно выжить в аде... Ты выиграл, но какой ценой? Позволил тьме поглотить себя? Герой? Ты слепец! – Голос умолк... навсегда.

Больше я его не слышал... Я ничего не слышал. Я бродил во тьме, долго и... бессмысленно. Ведь из города великого Кэрмота нет выхода.

Глеб Боярчук Потереть тебе спинку?.

Уровень адреналина в крови постепенно приходил в норму, нервное волнение и пугающе холодящее сердце возбуждение медленно отступало, оставляя после себя лишь озноб, противным ледяным комом скатывающийся в район желудка.

Его длинные пальцы слегка подрагивали, словно подчиняясь неведомому электрическому импульсу, прокатившемуся по ним несколько минут назад. Осторожно, стараясь не делать резких движений, он поднес почти дотлевшую сигарету к губам и глубоко затянулся. Сквозь сизые клубы сигаретного дыма, витающие в салоне машины, он посмотрел на свои пальцы. Те самые пальцы, что не более десяти минут назад беспощадно сомкнулись на ее шее.

Медленно, боясь того, что может открыться его взору, он повернулся. Она сидела неподвижно: голова чуть откинута назад, каштановые кудряшки в беспорядке разбросаны вокруг бледного лица, рот приоткрыт, так, что мелкие зубы поблескивают в свете одинокого уличного фонаря. Этот же свет поблескивал и в глубоких темных омутах широко раскрытых глаз. Могло показаться, что она впала в какой-то мистический транс, но четкие, пусть еще и не налившиеся болезненно-лиловой синевой отпечатки на ее шее говорили о том, что из этого транса ей уже не выйти.

Зачарованно он продолжал смотреть на ее лицо, на отпечатки его пальцев на ее шее. Внезапно пальцы пронзила острая боль, вскрикнув от неожиданности, он потряс рукой и заметил окурок, упавший на сиденье прямо между его ног. Грязно выругавшись, он смахнул окурок на пол и впечатал его подошвой ботинка. Боль помогла немного прочистить мозги и отойти от шока.

Закашлявшись, он открыл дверцу и неуклюже выбрался из салона на свежий воздух. Не оглядываясь, прошел вперед по обочине пустынной дороги и глубоко вдохнул напоенный предгрозовой свежестью воздух. Буйство стихии пока было еще достаточно далеко, о чем свидетельствовали сухие едва различимые раскаты грома.

Он тупо уставился перед собой, вновь впад в некое подобие кататонии, – все никак не мог поверить, что она мертва, а убил ее он. Он никогда не считал себя буйным или вспыльчивым человеком, даже наоборот, скорее, его можно было охарактеризовать как человека добросердечного, но вместе с тем он никогда не умел прощать, особенно измену и предательство. А она, она... Как спокойно она говорила о том, что нашла другого, как глупо улыбалась, словно в ее словах была хоть доля шутки, как наивно смотрела на него, считая, что он сможет стерпеть все это. Она его не знала, и он не смог. Ярко-алая пелена бешенства накатила на него, заставив целиком и полностью раствориться в чувстве безудержной ярости, ревности и обиды, охватившем все его естество.

Он снова вспомнил, как затрещали ее шейные позвонки, как ее взгляд утратил наивность, наполнившись животным ужасом, как исказилась линия ее губ, которые он так любил целовать... И снова этот треск и тошнотворный хруст ломающейся и уходящей навсегда жизни. Не в силах сдерживать себя, он согнулся, и его вырвало. Его рвало очень долго, едва не выворачивая наизнанку, а где-то вдалеке, но подбираясь все ближе и ближе, гремел гром. Когда спазм прошел, он выпрямился и, ощущая горький привкус желчи во рту, провел трясущейся рукой по своим губам.

Что-то мягко кольнуло его в самое основание позвоночника, отчего ледяные мурашки пробежали по всему телу, – кто-то за ним наблюдал. Прекрасно понимая, что никого в такой глуши нет и быть не может, он тяжело сглотнул и обернулся к машине. Она по-прежнему

сидела в авто все в той же позе. Тусклый желтый свет падал на ее лицо, тени укрыли ее глаза, но ему казалось, что ее зрачки двигаются там, в этой темноте, а губы кривятся в пародии на ухмылку.

На некоторые доли мгновения его сердце остановилось, а затем, словно желая нагнать упущенное, сорвалось с места в карьер, с трудом подавив крик, он отвесил себе звонкую оплеуху.

«Она мертва. Мертва, и точка, – заговорил его внутренний голос. – Ты же сам слышал хруст, чувствовал, как ломаются ее шейные позвонки, слышал, как последний хриплый вдох вырывался из ее сжатого горла. Это просто тени, всего лишь игра теней. Мертвые не могут смотреть на живых!»

Или все же могут?..

Медленно, стараясь не спускать с нее глаз, он подобрался к машине и заглянул в салон. Конечно же, это просто игра теней – вот она, все так же сидит на своем месте, мертвая.

Издав вздох облегчения, он повалился на сиденье и закурил новую сигарету. Очередной раскат грома прорезал тишину, на этот раз намного ближе, чем раньше, от неожиданного грохота его рука дернулась и ударила ее в грудь. С тихим шуршанием невольная жертва сползла на своем сидении немного в сторону, отчего один ее глаз бездумно уставился в потолок, а другой, казалось, с упреком обратился на невольного убийцу.

Его сердце в очередной раз дернулось, а затем он сделал то, чего совсем от себя не ожидал, – закричал на нее:

– Ну и чего ты уставилась, сука?! Я не виноват! Ты сама меня довела!

Пораженный словами, сорвавшимися с губ, и самой абсурдностью происходящего, он уставился на нее, словно в ожидании ответа. Она молчала, что и не удивительно, ведь была мертва. И во взгляде ее не было никакого упрека – там была только мертвая пустота да застывшее отражение одинокого фонаря.

Неожиданно для самого себя он расхохотался. Смеялся, как сумасшедший, смеялся, как никогда в жизни. Но смех его оборвался так же резко, как и начался, – он всегда умел мыслить рационально. Вот и сейчас рациональность взяла верх над наползающим сумасшествием – он понял, что ему надо избавиться от тела, и эта мысль, скорее, свойственная хладнокровному убийце, почему-то ни капли не потрясла его. Ну, может быть, только самую малость.

* * *

Он остановил машину у самого края поросшего редкими кривыми кустами оврага, на дне которого, укрытое белесой дымкой стелящегося по низу тумана, мирно дремало маленькое болотце. Это место он выбрал не случайно – в среде суеверных местных дураков оно считалось дурным, и, как следствие, местные, равно как и приезжие, наслушавшиеся их баек, старались обходить его стороной.

Заглушив двигатель, он нервно побарабанил своими длинными пальцами по рулю и еще раз посмотрел на попутчицу. Всю дорогу его не отпускало странное, иррациональное чувство, что она за ним наблюдала, но каждый раз, внутренне содрогаясь от своих мыслей, он бросал на нее быстрый взгляд, который убеждал его, что все это чушь. Вот и сейчас, не увидев в ее лице ничего нового, он нервно усмехнулся и протянул к ней руку.

Пальцы мягко коснулись ее уже начавшей остывать кожи. Осторожно, даже нежно, он прикрыл ее веки и еще раз внимательно всмотрелся в лицо.

Если не считать лиловых кровоподтеков на шее и восковой бледности обескровленной кожи, она бы вполне могла сойти за спящую, даже ее рот теперь, казалось, был приоткрыт не последним судорожным вдохом, а легким дыханием спящего ребенка. Только сейчас он

заметил, что смерть как будто бы сделала ее более юной, унеся вместе с сердцебиением и груз прожитых лет.

Невольно он даже залюбовался ею – так, и вправду, было лучше. Никакого взгляда, а всего-то стоило прикрыть ей веки. Чертыхаясь на свою глупость, помешавшую ему сделать это раньше, он повалился на водительское сиденье и прикрыл глаза. Мысленно досчитал до десяти, после чего решил приниматься за дело.

Не глядя в сторону своей попутчицы, он выбрался из машины и неспешно ее обошел, остановившись со стороны пассажира. Что-то холодное упало ему на макушку, а затем ночную тишину разорвал грохот наступающего грома. Небо прорезала искрящаяся вспышка молнии, и он, собравшись с мыслями, открыл дверцу.

Аккуратно и предельно осторожно он потянулся к девушке и поднял ее на руки, удивившись той бескостности, которая пришла в ее тело вместе со смертью. Шумно дыша от напряжения (ему показалось, что вместе с бескостностью тело как будто бы стало еще тяжелее), он выпрямился. Ее голова безвольно упала ему на плечо, и холодные губы с влажным звуком впечатались в его шею, так, словно она хотела его поцеловать. Тяжелый полувздых-полустон вырвался из ее искореженного горла, заставив волосы на его голове встать дыбом. Испуганно он оттолкнул ее от себя и уронил на землю. Ее голова с противным глухим стуком ударилась о порожек автомобиля. Шумно дыша, с бешено колотящимся сердцем он посмотрел на нее, и, о Боже! Ее глаза! Ее мертвые глаза снова были открыты!

Парализованный страхом, словно находясь под гипнозом, он всматривался в этот немигающий взгляд, в эти крохотные точки пустых зрачков, и почувствовал, что его мочевой пузырь не выдержал напряжения, и теплая струйка мочи устремилась по внутренней поверхности бедра. Ему показалось, что на этот раз она смотрит на него с усмешкой, как бы говоря: «Ну вот только взгляните на него! Такой большой мальчик, и обмочился как малое дитя!».

Глубоко вдохнув и подавив чувство животного ужаса, он непроизвольно перекрестился и склонился над ней. В какой-то статье он читал, что у покойников в легких иногда остается немного воздуха, постепенно понимание случившегося приходило к нему, возвращая былое рациональное спокойствие.

«Ну конечно же! Это просто воздух! Никакой это не стон. Она же мертва! МЕРТВА! – напутствовал его внутренний голос. – А ее глаза – это всего лишь мышечная память, веки открылись сами собой, застыв в том положении, в котором находились в момент смерти!»

Слегка успокоив себя внутренним диалогом, но все еще испытывая некое чувство страха, он достал из кармана маленький фонарик и, включив его, зажал цилиндрический корпус между зубами, чтобы освободить руки. После этого он снова поднял ее с земли и, развернувшись, начал осторожно спускаться к болоту.

Склоны оврага были скользкими. То тут, то там из влажной земли торчали корни. Не грохнуться в таких условиях и не свернуть себе шею было делом достаточно сложным. Но он был осторожен, хотя пару раз все же едва не загремел вниз – тогда на дне оврага могло бы оказаться два трупа, а не один.

Достигнув цели своего «путешествия», он остановился у края топи и опустил свою ношу. Очередной раскат грома прокатился по округе, а вслед за ним яркая вспышка молнии выхватила из ночной тьмы пугающие очертания скрюченной болотной растительности. Где-то вдалеке испуганно вскрикнула ночная птица. Болотный смрад – смесь сероводорода и гниющих растений – настойчиво лез в нос. Достав фонарик изо рта, он осветил на бесформенную грудку у своих ног. Болотный туман, словно призрачно-аморфные щупальца неведомого чудовища, тянулся к растрепанным волосам покойницы, как будто бы играя с ними, подобно тому, как легкие волны играют с водорослями на морском дне.

Выбросив из головы глупые сравнения, он снова зажал фонарик в зубах и поднял тело с земли. Она стала еще холоднее, словно впитав в себя мороз, идущий от самой почвы. Ее растрепанные волосы щекотали его шею.

Осторожно следуя краю топи, он добрался до того места, куда еще мальчишкой приходил, чтобы побросать камнями в лягушек, – в отличие от большинства местных обывателей, он не боялся суеверий, по крайней мере, так было раньше. Ступая по скользким кочкам и чувствуя, как холодная и мерзкая болотная жижа затекает в его ботинки, он прошел вглубь болота и остановился. Насколько ему помнилось с детских лет, здесь глубина была достаточно большой, по крайней мере, двухметровая коряга, которой он тогда тыкал в топь, ушла в болотную грязь полностью, навсегда сгнув в ее пучине. Как теперь он надеялся, что сгинет и его страшная ноша. Напрягшись всем телом, он бросил ее в топь, разлетевшиеся брызги болотной мерзости окатили его с головы до ног. С трудом сохранив равновесие, он выпрямился и принялся наблюдать за тем, как ее тело медленно погружается в трясину. Топь издавала противное хлюпанье и чавканье, словно она была живой и с жадностью пожирала то, что мертво.

Наконец, когда тело девушки полностью скрылась в трясине, оставив после себя лишь мутную рябь на грязной поверхности болота, он с прежней осторожностью двинулся в обратный путь.

Он перескакивал с кочки на кочку, не обремененному тяжким грузом это было делать намного легче. Временами ему казалось, что сзади что-то или кто-то движется, но понимая, что все эти звуки – лишь голос жадной трясины, он упорно гнал от себя страхи и двигался вперед. Выбрался на твердую землю он как раз вовремя – долгожданная гроза наконец-то разыгралась не на шутку. Тяжелые холодные капли нещадно лупили по земле, напityвая ее дождевой водой. Ботинки скользили по влажной почве, отчего подъем по склону показался ему даже сложнее, чем спуск. Луч фонаря, словно маятник, ритмично двигался из стороны в сторону, выхватывая из тьмы скрюченные силуэты кособоких деревьев и кустарников.

Внезапно он почувствовал, как его нога с чавканьем заскользила по грязи; судорожно взмахнув руками в тщетной попытке сохранить равновесие, он повалился на землю. От удара его зубы громко клацнули, а фонарь, вращаясь в воздухе, отлетел в сторону. Распластавшись на склоне оврага, словно лягушка, он с трудом приподнялся и, ощущая саднящую боль в отбитых коленях, сплюнул комья набившейся в рот грязи и едва слышно простонал. Предпринял попытку встать на ноги и понял: что-то его удерживает. Что-то крепко сжало его щиколотку, не желая отпускать.

Ужасная мысль пронеслась в голове: «Это она! Она выбралась из трясины и вернулась за мной!» В панике он обернулся, все еще стараясь высвободить ногу из чьей-то хватки, но не смог, равно как и ничего не увидел в кромешной тьме позади себя. Его бьющееся в припадке ужаса сознание уже рисовало картину – вот она, облепленная болотной грязью и водорослями, распространяя вокруг себя смрад сероводорода, держит его за щиколотку, на ее извивающихся, словно бледные черви, губах играет зловещая улыбка, а мертвые глаза сверлят ему спину своим обжигающе холодным взглядом. Взглядом, который зовет его остаться здесь, вместе с ней, чтобы они смогли стать любовниками, скованными смертью в объятиях друг друга на веки вечные! Ведь там, на дне трясины, среди разлагающихся растений и трупики мелкого лесного зверья так скучно и одиноко. Так грустно и страшно чувствовать, как твои навечно открытые глаза пожирают черви, а затем пустые глазницы заполняет вонючая болотная жижа! Он не только ощущал ее прикосновения на своем теле, но и слышал ее вкрадчивый мертвый голос, который говорил ему: «Останься здесь, любимый! Останься со мной, я готова простить тебя. Ведь смерть – это только начало!»

Почти обезумев от ужаса, чувствуя, как слезы катятся из глаз, смешиваясь с дождем и грязью на его лице, он рванулся из последних сил и освободился от мертвой хватки. Росчерк

молнии осветил за его спиной что-то мокрое и бесформенное – всего лишь одинокий куст, но ему уже не было до этого никакого дела. Теряя последние капли человечности и поскуливая, словно испуганное животное, он на четвереньках преодолел оставшийся участок пути и бросился к машине.

Весь перепачканный грязью, продолжая жалобно поскуливать, лишь с третьей попытки он сумел повернуть ключ зажигания, и машина рванула с места.

* * *

Немного успокоившись, но все еще продолжая судорожно всхлипывать и вздрагивать от каждого раската грома, он свернул на подъездную дорожку к дому и остановил машину. Неуклюже выбрался из авто и проковылял к крыльцу своего дома. Дверь долго не поддавалась и не желала отпираться, не слушаясь его дрожащих пальцев. После нескольких минут безуспешных попыток ему все же удалось попасть в дом. Шумно дыша и оставляя за собой на полу грязные мокрые следы, он прошлепал напрямик в ванную и включил свет. Из отражения в зеркале на него смотрел какой-то незнакомец – грязный, с взъерошенными волосами и красными широко раскрытыми от всего перенесенного глазами.

Испытывая одновременно и чувство жалости, и чувство отвращения к своей персоне, он сбросил провонявшие болотом вещи прямо на пол и шагнул под душ.

Горячие струи воды приятно прогоняли из напряженных мышц напряжение, влажный пар, поднимающийся в душевой, давал отдохновение уставшему разуму, словно окутывая его мягкой пелериной, заставляя отрешиться от забот и пережитых ужасов. И лишь одно не давало ему покоя – запах. Этот противно-омерзительный запах сероводорода и гниющей болотной травы никак не могло перекрыть нежное благоухание лавандового мыла. Он продолжал с остервенением и докрасна растирать свое тело мочалкой, но запах все никак не уходил, а, напротив, казалось, становился только сильнее и сильнее.

Слишком увлеченный своим занятием, за шумом работающего душа он не услышал ни легкого скрипа незапертой входной двери, ни влажных шлепков босых ног по полу, не увидел он также и силуэта, возникшего за мокрой занавеской душевой, он чуял только запах. Но он услышал безжизненный и скрежещущий голос, доносившийся из израненного горла.

Ее голос:

– Любимый, не потереть ли тебе спинку?

Александр Буйницкий Дедушка и бабушка

Николай Андреевич на кухне. Он подходит к тумбочке, открывает ее медленным угловатым движением руки. Берет банку с медом.

– Как у нас с погодой? – говорит дедушка.

Пальцы, покореженные артритом, открывают пластмассовую крышку и погружаются в тугую массу. Затем они взлетают вверх ко рту старика. Указательный и средний пальцы поочередно касаются губ Николая Андреевича.

Дедушка с минуту стоит перед тумбочкой, втирая липовый мед в трещины в уголках рта.

– Ты слышишь меня? – говорит он и поворачивается к выходу из кухни.

– Что ты там хочешь? – раздается недовольный голос Марии Владимировны.

– Я спрашиваю, какая там погода?

Николай Андреевич подходит к раковине, смывает остатки меда с руки.

– Снег выпал.

– Вот и я о том же. Где такое видано, чтобы снег выпал 11 мая?

Дедушка идет в спальню. Он говорит:

– Губы совсем потрескались.

– Знаю я.

– Знаю, не знаю... Толку от этого мало! Пора что-то делать.

Бабушка недовольно сжимает губы. Она выключает планшет и произносит:

– Ну, ладно, что ты там хотел мне показать?

Лицо старика расплывается в улыбке. Губы в свете вечерней лампы блестят. Движения становятся увереннее.

Николай Андреевич подходит к компьютеру, двигает мышку. На мониторе появляются закладки интернет-сайтов. Дедушка делает несколько по-черепашьи медленных кликов и останавливается на одной из страниц с объявлением. Затем он недовольно смотрит на жену, которая пытается встать с кровати.

– Попробуй сама, – говорит он.

– Не могу я сама! – нервно дергает плечом Мария Владимировна. – Видишь же, что сложно подняться из-за боли.

Николай Андреевич вздыхает и подходит к старушке. Берет ее под руку и ведет к столу. Придвигает ей под ноги мягкое кресло. Мария Владимировна с опаской и напряжением в мышцах присаживается, пухлую руку кладет на край стола, смотрит в монитор.

– Что это? – удивленно говорит она.

– Литературный конкурс.

– И зачем это?

– Хочу снова писать.

Бабушка после секундного замешательства откидывается на спинку кресла и широко улыбается.

– Ну, ты совсем уже на старости лет свихнулся, – говорит она и отворачивается от экрана. – Как можно писать, если годами перо в руках не держал? Будет, как с той рукописью, что еле-еле продал Мише Войничу в двенадцатом году. Конкурс? Ты хочешь в конкурсе поучаствовать? Ой, ну не смей меня!

Мария Владимировна смеется и переводит взгляд на кровать в углу комнаты.

Николай Андреевич отходит в сторону, поочередно трогает корешки книг на полке.

– Ты куда пошел? – вскрикивает бабушка. – Психовать вздумал, старый? С тобой, как с маленьким ребенком. Ты еще с парашютом прыгни для полного счастья!

Она говорит:

– Быстро помог мне встать!

Николай Андреевич подходит к Марии Владимировне и помогает ей добраться до кровати.

* * *

Утром следующего дня бабушка нарезает толстыми ломтями колбасу. На столе лежит лук, рядом с ним масло на блюде под стеклянной крышкой, чуть поодаль – хлеб и сыр. Стоит и уже остывшая кружка чая.

Старушка озлобленно смотрит на унылую сутулую спину мужа. Он сидит на табуретке у окна, курит сигарету и смотрит вдаль.

Мария Владимировна дорезает колбасу и берется за масло.

– Если ты не начнешь со мной разговаривать, то я это масло размажу по твоей лысине.

Николай Андреевич молчит.

Бабушка вскрикивает:

– Есть захочешь – попросишь! – она вонзает нож в масло. Лезвие отсекает большой кусок и громко ударяет о стол.

– Губы потрескались, – спокойно говорит дедушка. – Поэтому есть не захочу. Поэтому и разговаривай сама с собой. Я уж как-то обойдусь. А если и прижмет поесть, то я и сам справлюсь – ходить умею, в отличие от некоторых.

– Не, ну ты точно давно носил шапку из масла, – говорит Мария Владимировна и поддевает кончиком ножа отсеченный кусок. Она делает замах и бросает его в сторону мужа. Целит в лысину. От резкого выброса руки масло срывается с лезвия чуть раньше, чем хотелось бы старушке. Кусок делает в воздухе дугообразный пируэт и летит на пол – к ногам мужа.

Тело Николая Андреевича оживает.

Дедушка мгновенно откидывается назад, словно юный азиатский танцор показывает сотни раз отрепетированное движение. Старик выгибает спину так сильно, что сейчас он похож на ручку от наполненного ведра. Его левая кисть взлетает еще дальше – за голову, а его ноги, словно якоря, врезаются в стену под батареей, создавая всему телу точку опоры.

Какой-то миг – и Николай Андреевич снова принимает сутулую позу. Он смотрит в окно. В его руке кусочек масла. Дедушка берет его пальцами другой руки и смазывает потрескавшиеся губы.

* * *

Ближе к полудню по просьбе жены Николай Андреевич снова загружает сайт с объявлением о конкурсе. Он читает ей вслух о том, что российское издание объявило тему «Ужас».

Мария Владимировна слушает мужа, прикрыв глаза.

Дедушка добавляет, что никаких ограничений нет по месту жительства автора, что можно писать о чем угодно, лишь бы было страшно.

– А ты сможешь написать страшно? – бурчит бабушка. – Да и о чем писать? Неужели хоть о чем?

– Хоть о чем пиши ты, а мне нужно изюминку придумать!

Старушка молча открывает глаза.

Николай Андреевич продолжает:

– Что если я напишу о жизни? Конечно, не обязательно всю правду раскрывать...

Жена перебивает мужа:

– Я так понимаю, ты уже давно решил, что хочешь рассказать о своей охоте. Сразу говорю – остановись! Лучше вот посмотри, какой у нас красивый правнук.

Мария Владимировна берет планшет и показывает фотографию. На ней малыш играет с мячом. Она произносит:

– Дай Бог, чтобы рос здоровеньким и счастливым. Не таким, как ты, дед.

– Все у него будет хорошо! – говорит Николай Андреевич. – Послушай, ну правда, давай я напишу о той поездке, когда мы гнали зверя всю ночь. Помнишь? Аркадий Иванович тогда еще плечо выбил себе.

Дедушка встает и рассказывает по комнате, он что-то невнятное бормочет под нос.

– Ерундовая та история, – отмахивается Мария Владимировна. – Не включают ее в сборник.

Старик останавливается и смотрит на жену.

– Почему это не включают?

– Сюжета нет.

– Предсказуемо?

– Ну да. Гнали вы этого зверя и гнали, а дальше что? Словили – убили. Так это все и так ясно. Нет кульминации, развязки необычной. Ты же читал в условиях конкурса, что победителями станут те, у кого будет самый интересный герой, сюжет или концовка. Или я не так тебя поняла?

– Что ты предлагаешь?

– Не герой должен гнать зверя, а зверь героя. Герой должен быть в беде. Зверь должен застать его в самый неудобный момент. И вот тут будет ясно, кто кого сильнее.

– Так ведь я всегда гнал зверя, а не он меня.

– Вот и думай над этим, а я пока фото посмотрю...

Николай Андреевич не слышит последние слова. Он стоит, окутанный ворохом мыслей о прошлом. Его губы раскрываются под впечатлением ярких воспоминаний. Язык высунывается из глубокого старческого рта и облизывает губы.

– ... Не смей! – издали доносится крик жены.

Мария Владимировна вскакивает с кровати, преодолевая боль в ноге.

– Не смей об этом думать! – кричит она.

* * *

Вечером того же дня Николай Андреевич сидит на кухне и обматывает голень широкими, толстыми лоскутами телячьей шкуры, которые соединяет между собой металлическими крючками. Бедр дедушки, его плечи и запястья уже туго перетянуты таким же образом.

Покончив с обмоткой, дедушка встает и подходит к зеркалу. Крутится с минуту, похлопывает себя то по локтям, то по коленям. Затем Николай Андреевич идет в спальню, где поверх кожи натягивает широкие шерстяные брюки и кофту. Воротник кофты доходит ему до самого подбородка, где изгибается и образует гармошку, закрывая шею. Дедушка возвращается в прихожую, ищет туфли.

– Где мои туфли? – говорит он.

– А они тебе нужны? – слышно из спальни.

В ответ тишина.

– Туфли на батарее в кладовке, – говорит Мария Владимировна. – И в кого ты такой упрямый, твердолобый? Сдался тебе этот рассказ!

– Не в рассказе дело, – раздаётся из кладовки. – Я много чего в этой жизни повидал, но, как оказывается, можно еще хоть немного разнообразить старость.

– Полезай снова на Эверест, если хочешь разнообразия!

– Не удивила.

– Тогда подерись с Наполеоном.

– Так умер же он лет двести назад.

– А вот и не умер, – говорит Мария Владимировна и, прихрамывая на правую ногу, выходит к мужу. – Я слышала, что из той тюрьмы он бежал.

– С острова Святой Елены?

Бабушка прислоняется к входной двери. Она продолжает:

– Не помню название тюрьмы, совсем девкой была тогда. Так вот, прах Наполеона, ну который хранится сейчас в Доме инвалидов в Париже, не настоящий.

– Ага, – Николай Андреевич ухмыляется. – Говорят, царь не настоящий!

– Хочешь, верь, а хочешь – нет, но он тоже был обращен. И сейчас живет в пятом доме, кажется, во втором подъезде.

Дедушка слегка подталкивает бабушку в бок.

– Ну, давай, – он говорит. – Пусти меня уже... Пойду я. Нет времени.

– Да иди ты уже к черту! – вскипает Мария Владимировна.

Она рывком распахивает дверь. Старик от неожиданности стоит на месте. Бабушка кивком указывает ему на площадку. Николай Андреевич притупляет взгляд и робко ступает за порог. Жена смотрит ему вслед.

Вдруг дедушка оборачивается.

– Ты сказала, в пятом доме он живет?

– Да.

– Если это так, то сюжет усложнится.

* * *

Только к обеду следующего дня раздаётся короткий стук в дверь.

Тук-тук.

Сердце Марии Владимировны, словно у спринтера, взрывается бешеным ритмом. Кровь мгновенно приливает к лицу. Зрачки сужаются до черных точек. Нос улавливает тончайший шлейф постороннего запаха. Уши – глубокое дыхание чужака.

Тихое «Началось...» слетает с губ бабушки.

– Иду-иду! – отзывается она.

Боли в ногах нет.

– Кто там?

– Все свои, – раздаётся второй сигнал от Николая Андреевича.

Мария Владимировна распахивает дверь.

* * *

Вместе со стариком в квартиру заходит мужчина лет пятидесяти. Невысокого роста, с большими залысинами и длинной треугольной челкой. Нос у него с горбинкой. Глаза уставшие, невнимательные.

– Проходите-проходите, – говорит бабушка. – Не знаю, как к вам обращаться.

– Борис меня зовут.

– Ой, а мне кажется, что я вас где-то видела.

– Из пятого дома Борис Карлович будет, – за гостя отвечает Николай Андреевич.

Мария Владимировна от неожиданности оступает. Смотрит на мужа. Тот едва заметно пожимает плечами, улыбается.

– Да вы, Борис, проходите, присаживайтесь, – продолжает бабушка. – Извольте сперва чаю отведать, а потом и марки посмотреть?

– Марки? – переспрашивает жена.

– Ну да, тот альбом, что в шкафу, в средней шухлядке. Там есть три марки из Франции начала девятнадцатого века.

Она кивает.

– Давайте сразу к маркам, – говорит Борис Карлович.

Бабушка смотрит на жену и говорит:

– Маша, принеси нам их, пожалуйста.

Старушка молча разворачивается и, прихрамывая, идет в спальню. В шкафу она открывает среднюю шухлядку, достает оттуда толстую увесистую книгу. Мария Владимировна идет обратно. В тот момент, когда она входит в прихожую, Николай Андреевич говорит гостю:

– Вы раздевайтесь. Раздевайтесь и проходите на кухню. Пока мы эти марки найдем, полвека пройдет, а Мария Владимировна к тому времени нам и чай, и булки подаст.

Борис Карлович что-то одобрительное бормочет себе под нос и нагибается к ботинкам, начинает развязывать шнурки.

В этот момент бабушка быстрым движением руки раскрывает книгу и выхватывает из специальной полости альпинистский молоток, резко заносит руку над головой Бориса Карловича – почти так же, как накануне она метнула кусок масла в лысину мужа, – и со всей силы бьет гостя по затылку. Тут же Николай Андреевич ударяет мужчину в колено. Раздаются хруст и глухой звук падающего тела.

Все это происходит почти одновременно: удар молотком, перелом колена и падение бессознательного тела на пол.

* * *

На стуле в комнате сидит Борис Карлович. Его руки туго связаны за спинкой стула. Ноги и грудь тоже скованы веревкой. Через рот гостя протянута металлическая цепь таким образом, что его голова запрокинута далеко назад – за спину. Концы цепи прибиты к полу гвоздями. Волосы Бориса Карловича сбиты в липкие пряди. Из раны на затылке кровь капает в глубокую металлическую миску.

Мужчина медленно-медленно приходит в сознание. Из его рта раздаются булькающие звуки и стон.

Бабушка и бабушка сидят на кровати, молча смотрят на своего гостя.

Когда Борис Карлович открывает глаза, бабушка встает и заходит ему за спину. Он нагибается к миске и макает указательный и средний пальцы в свежую кровь. Затем бабушка касается своих губ влажными фалангами, проводит по ним из стороны в сторону, словно красит их помадой. Старик погружает пальцы в рот и с наслаждением облизывает их.

Взор Бориса Карловича устремлен на лицо бабушки. Он видит, как кровь на губах Николая Андреевича просачивается в глубокие трещины. Он видит, как эти трещины тут же затягиваются свежей кожей, заживают буквально на глазах.

Старик с блаженной улыбкой идет на кухню. Глаза гостя сопровождают его до самого выхода из комнаты.

– Я повторяю, что все это значит? – в повышенном тоне говорит Мария Владимировна.

– Что, что? – слышно из кухни. – Хотела повидаться с Наполеоном? Вот тебе, пожалуйста!

– Я же просто так сказала. Если мужик похож на Наполеона, то это еще ничего не значит.

– Да нет, Машенька, все ты правильно сказала. Обращен он давно. Его крови не менее двух сотен лет.

Николай Андреевич возвращается из кухни с ножом в руке. Глаза Бориса Карловича пялятся на лезвие. Дедушка продолжает:

– Рубец на шее почти исчез. Этой твари много лет. Странно, что до него, кроме нас, никто не добрался.

Мария Владимировна вздыхает и берет в руки планшет. В привычной для нее манере снова рассматривает фотографии своего маленького правнука.

Старик подходит к Борису Карловичу и накручивает взъерошенную челку гостя на кончик лезвия ножа.

– Я тебе говорю, это точно Наполеон. До безобразия похож на него... Смотри, какие волосы, и ростом невысокий, и полноватый он. Конечно, не полная копия того Наполеона, которого мы привыкли видеть на рисунках в учебниках, но это и не новость. Никогда не доверял художникам. То ли вот сейчас – по фотографии любого можно опознать.

Старик похлопывает ладонью по щеке мужчины. Затем запускает пальцы в его потные и испачканные в кровь волосы, оттягивает за них голову. Из рта Бориса Карловича раздаются нечленораздельные звуки и отдаленное грудное рычание.

– О! Слышишь, Машенька? Уже не стесняется подать голос.

Николай Андреевич заносит нож за голову пленника и вонзает его в затылок. Нож скользит по черепу и остается висеть, застряв под скальпом. Мужчина резко взывает и начинает с нечеловеческой силой выламывать обездвиженные за спиной руки. Свежая струйка крови течет по лезвию и капает в металлическую кастрюлю.

Мышцы и сухожилия Бориса Карловича надрываются в попытке высвободить тело. Зубы вгрызаются в цепь. По комнате разносится ядовитый скрежет металла.

Он перекусывает цепь.

Мужчина поднимает голову и сплевывает на пол осколок окровавленного зуба. Его желто-зеленые глаза сверкают. Он смотрит на старушку. Из рта сочится кровь. По разорванным губам течет слюна.

– Я вас всех сожру живьем! – кричит Борис Карлович. Каждое его слово сопровождается глухим гортанным клокотанием. Он снова сплевывает кровь себе же на колени. Осматривает туго связанные ноги и грудь.

– Я вас всех сожру живьем!

– Какое сожру, о чем ты, псина? – кричит Николай Андреевич и бьет пленника в скулу кулаком. Движение старика молниеносное, четкое.

Глаза Бориса Карловича наливаются кровью. Его скула рассечена.

– Добро пожаловать в гости, француз! – продолжает старик. – Готов потягаться с нами? Что пялишься? Готов, я спрашиваю?

– Готов! – орет француз.

* * *

Николай Андреевич одним рывком разрывает веревки, стягивающие тело оборотня. Зверь мгновенно вскакивает со стула. Всканивает со стула. Раздается хруст костей в его сломанном колене – нога вправлена. Зверь вытаскивает из-под скальпа нож и швыряет его на пол. Кровь из раны струится по его плечам и спине. Животные глаза смотрят в пол. Из рта оборотня доносится нарастающий рык, который тут же перерастает в оглушительный рев.

Зверь бросается на Марию Владимировну. Он вытягивается в прыжке: руки с тут же проросшими когтями нацелены в шею бабушки, пасть открыта в оскале, несущем смерть.

Николай Андреевич сбивает оборотня в полете. Он отбрасывает зверя на стену у кровати. Тут же старушка подсакивает к нему и размашистым ударом руки разрывает щеку животного, оставляя четыре глубокие раны. Николай Андреевич прыгает на спину оборотня и прижимает его к полу. Мария Владимировна по-молодому легко и элегантно подхватывает стул, на котором только что сидел зверь, и сокрушительным ударом окончательно превращает его затылок в месиво из волос, мяса и крови. Дедушка, словно борец, захватывает оборотня за шею и перекачивается с ним же на спину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.